

СЛОВО О ДРУГЕ

Жил крупно

Григорий Чухрай о Евгении Урбанском

Сейчас Урбанскому было бы пятьдесят лет. К несчастью, он не дожил до этого возраста. Он погиб, когда ему было всего тридцать три, в пустыне Каракумы на съемках фильма «Директор». За свою короткую жизнь он успел окончить среднюю школу, поступить в горный институт, понять, что его призвание — быть артистом, окончить училище МХАТа, сыграть около тридцати ролей в спектаклях Московского драматического театра им. Станиславского и сняться в десяти фильмах. Но то немногое, что он успел сделать, составило значительный вклад в театральное и кинематографическое искусство нашей страны.

Он сыграл роль солдата-инвалида в фильме «Баллада о солдате» и роль Астахова в фильме «Чистое небо». Обе эти картины дороги мне еще и потому, что на них мы работали вместе. Он был красивым человеком: высокий рост, мужественное лицо, прекрасная добрая улыбка, приятный голос. Но главное, что все эти качества принадлежали содержательному человеку. Несмотря на свой возраст, много знающему, основательно думающему о жизни, о людях и об искусстве. Его главным качеством была цельность. Он жил весело, увлекался, любил, но все не мелочно, крупно, красиво, несуетно. Глядя на него, я часто думал: надо бы снять его в роли Маяковского. У него было не только внешнее, но и внутреннее сходство с великим поэтом.

В работе с Урбанским, как во всякой творческой работе, было немало трудностей, но я всегда получал удовольствие от общения с ним. С ним было приятно спорить, искать и находить. Цельность Урбанского сказывалась во всем: в отношении к своей профессии, к друзьям, к женщине. Мне нравилось, что и в этом он не мельтеши, не разменивается.

В Ярославле — мы снимали там фильм «Чистое небо» — он как-то подошел ко мне после съемок и попросил отпустить его на три дня в Москву на праздник советского кино. Я сказал, что мне трудно это сделать.

— Там будет одна женщина. Я полюбил ее, — сказал Женя. И потому, как он это сказал, как звучал его голос, как смотрели глаза, я понял: это серьезно и очень важно, и я должен сделать все, чтобы он мог уехать.

Возвратился из Москвы Женя окрыленный. Работал увлеченно и весело, много смеялся, много и с удовольствием ел, по вечерам после съемок брал гитару и пел песни. У него был красивый голос и прекрасное чувство музыки. Я узнал, что в его жизнь вошла Дзидра Ритенберг.

Я любил беседовать с ним. Говорили мы об искусстве, о жизни, о друзьях. И я не помню, чтобы Урбанский болтал пустое, перемывал чьи-то косточки или балагурил. Он жил крупно. Никогда не бахвалился, предъявлял к себе большие требования, всегда сожалел, что не сумел сыграть, как хотелось бы, жаловался на недостаток мастерства. Серьезно относился к советам. Учился.

Когда я вспоминаю Евгения Урбанского, на память приходит один вечер.

Это было уже в Москве. Однажды Женя позвонил мне.

— Завтра суббота, — сказал он весело, — приходи к нам. Будут хорошие люди. Попоем.

В то время у них с Дзидрой еще не было квартиры, и они временно жили при театре в бывшей артистической комнатке рядом со старым репетиционным залом. В зале вместо обычной мебели стоял сценический реквизит: большой дощатый стол, садовая скамья, несколько разнотельных стульев, кресел и даже «царский трон» из какой-то сказки.

Пока мы беседовали с Женей и Дзидрой, артистка Ольга Бган, которая тоже жила здесь в одной из артистических комнат, угощала супом индонезийских студентов. Они уплетали его с аппетитом, присутствием всем студентам мира. Кто-то перебирал струны гитары. На столе появилась бутылка водки и скромная закуска. Беседа, естественно, оживилась. Потом прозвучали аккорды гитары, и все затихло. Гости собрались сюда не ради выпивки, а ради песни.

Пели студенты из Кубы — старинная испанская песня звучала слаженно и грустно.

После истанце запели индонезийцы. Это были другие песни. Они

рассказывали о другой стране, о другом народе, добром и музыкальном. Ребята пели увлеченно, всем своим существом сливаясь с мелодией. Один из них отбивал ритм мелодии ладонями по краю стола. Вместе с ударами слегка позвякивала на столе посуда. В перерыве между песнями Женя нагнулся к моему уху:

— Этого парня зовут Шуман.

— Как? — переспросил я.

— Шуман, в честь композитора Шумана... У них в деревне ребят называют именами композиторов: Шуман, Чайковский, Вах...

Я подумал, что он шутит, но Дзидра подтвердила, что это правда. Женя ласково улыбнулся ей. Она сидела на «царском троне», величественная и красивая. Женя пригнулся у ее ног на полу. Я подумал, что они замечательно дополняют друг друга. Неумный темперамент Урбанского уравновешивался воспитанной и сдержанной манерой Дзидры.

Песни захватывали Женю, и он начинал подпевать поюшим. Дзидра останавливала его, а он, обиженно надувая губы, просил:

— Я тихонько.

Слушали стихи, которые читал Роберт Рождественский. Потом снова пели. Наконец и Женя добрался до гитары. Взял несколько аккордов, помедлил и исподволь, неторопливо повел старую русскую песню. Сперва негромко, со вздохами и охами, сдерживая напор чувства, потом все громче и быстрее. И вот прорвалась на простор, вырвалась наружу песня и полилась вольно, озорно и широко. Женю, все его существо захлестнул темперамент, могучий, русский, который не так легко разбудить, но уж коли проснулся — нет ему удержу, нет границ... Как жаль, что ему не довелось петь ни в одном из его фильмов и его голос не был нигде записан! Пел он прекрасно и был удивительно красив, когда пел.

Вскоре я уехал на Север снимать фильм «Жили-были старик со старухой». Для Урбанского в фильме была хорошая роль, но его уже заняли в фильме «Директор». Зима в тот год была холодная, но неснежная, а мне нужны были снежные заносы. В поисках снега мы по совету Жени поехали за Полярный круг в город Инту, туда, где прошло детство Евгения Урбанского, где он окончил среднюю школу и откуда уехал в Москву. Там жили его мать и брат. Я побывал у них в гостях.

Полина Филипповна приняла нас радушно. Расспрашивала о сыне. Рассказывала о нем. Видела я фотографию отца Жени, Якова Самойловича, большого, сильного и красивого человека. Люди, знавшие Якова Урбанского, говорили о нем с уважением и восторгом. «Этот был, пожалуй, покрепче Женьки. Настоящий мужчина!». Из рассказов возник образ мужественного человека. Он всегда оставался коммунистом и вел себя как коммунист. Думаю, что, создавая образ Василия Губанова в фильме «Коммунист», Женя многое взял от своего отца.

Я возвратился в Москву. Поглотили повседневные заботы. Да и Женя с Дзидрой были очень заняты. В этот год они особенно много работали в театре и снимались в кино. Один раз мы все-таки вырвали вечер и встретились. Сперва посмотрели в театре «Селемские ведьмы» — Женя и Дзидра превосходно играли в этом спектакле, — потом поехали к ним на новоселье. Они получили двухкомнатную квартирку недалеко от метро «Сокол». Мы прекрасно провели время в кругу друзей и новых соседей Урбанского. Потом опять нас захватили дела. Работали мы на одной студии, а видели друг друга редко. Встретимся, бывало, в коридоре, пожмем друг другу руки, скажем, что хорошо было бы провести вечерок вместе, и разбежимся каждый по своим делам.

Однажды Урбанский позвонил мне: — Завтра я улетаю в Каракумы на съемки. Может, встретимся вечером?

Я только что пришел домой после тяжелого дня и был недоволен собой. Болело сердце.

— Нет, Женя, — ответил я. — Сегодня не могу. Как-нибудь в другой раз.

Я не знал и не мог знать, что другого раза уже никогда не будет...

НА СНИМКЕ: Леонид Куравлев и Евгений Урбанский на съемках фильма «Директор».